

Исследования развития и бытия личности

Алексей Обухов

Построение программы психологического исследования личности в контексте русской традиционной культуры¹

Направления исследования развития и бытия личности в контексте региональной культурной традиции

Рассмотрение развития и бытия личности в традиционной культуре в пространстве всех сред и во времени

Рассмотрение развития и бытия личности нами считается необходимым в контексте культуры и эпохи, в связи с условиями жизни. Таким образом, любую проблему или явление следует рассматривать в пространстве и во времени, в ракурсе всех сред, выявляя особенности самосознания людей, их отношения и понимание проблемы, преемственности от поколения к поколению изучаемой проблемы или явления. Взаимодействие культуры и пространства — динамичный, развивающийся в историческом времени процесс. Поэтому исследование важно выстраивать в двух направлениях — временном и пространственном. Реальности бытия человека могут быть разделены только условно. В действительности все элементы каждой отдельной реальности так или иначе отражены или взаимосвязаны с другими реальностями бытия человека. Их разделение не-

---

¹ Окончание. Начало см.: РЛ. 2001. № 3–4. С. 109–120.

обходимо для структурирования и организации направлений исследования при сборе, фиксации и анализе материала.

Рассмотрение развития и бытия человека в пространстве

Естественные реалии развития и бытия личности

1. *Природная среда (естественные реалии бытия человека — небесные явления, климат, ландшафт, почвы, водоемы и вода, огонь, животный и растительный мир; сакральные природные места; влияние человека на природный мир; отношение к природе и к природопользованию, отражение природы в народном и индивидуальном сознании).*

Сложную неразрывную связь человека со средой его обитания отмечали многие ученые (Боас Ф., Ключевский В.О., Вернадский В.И., Гумилев Л.Н., Веденин Ю.А., Мухина В.С., Мудрик А.В. и др.).

Описание взаимосвязи природы и культуры различными исследователями

Предваряя свой труд по истории России, В.О. Ключевский писал: «...внешняя природа нигде и никогда не действует на все человечество одинаково всей совокупностью своих средств и влияний. Ее действие подчинено многообразным географическим изменениям: разным частям человечества по его размещению на земном шаре она отпускает не одинаковое количество света, тепла, воды, миазмов, болезней, — даров и бедствий, а от этой неравномерности зависят местные особенности людей» [1]. Эта идея также развивается в работах антрополога Ф. Боаса, отмечавшего сложную и неоднозначную взаимосвязь природных условий и культуры: «Культурная жизнь во многих и важных отношениях, несомненно, ограничена географическими условиями. (...) Многие конкретные черты той или иной культуры связаны с благоприятными географическими условиями. (...) И вместе с тем даже на примере нашей цивилизации видно, что географические преимущества сказываются лишь там, где культурные условия позволяют извлекать из этого выгоду. (...) Природная среда стимулирует развитие уже существующих культурных навыков, но не имеет самостоятельной творческой силы. (...) Более того, одни и те же природные условия по-разному воздействуют на культуру в зависимости от культурного уровня народов» [2]. Современный отечественный исследователь Ю.А. Веде-

нин также отмечает, что «отношения культуры и природы оказываются далеко неоднозначными, но, безусловно, закономерными. Пространство Земли организует культуру, а культура организует пространство» [3].

Взгляды на взаимосвязь природы и жизнь человека

В науке существует множество работ, посвященных анализу отражения природы в народном сознании и взаимосвязи жизни человека и этноса с природой в традиционной культуре. Л.Н. Гумилев строит свою концепцию этногенеза на основе тесной взаимосвязи истории этноса с биосферой Земли: «Этническая жизнь не безразлична к биоценозу, и не может отдельно изучаться от географии и истории биосферы» [4]. Одним из факторов, влияющих на особенности социализации человека, А.В. Мудрик выявляет региональные условия, в ряде которых он понимает географическое расположение региона и его природно-климатические особенности. В концепции В.С. Мухиной природа является одной из основополагающих реалий развития и бытия личности: «Природная реальность для человека всегда была условием и источником его жизни и жизнедеятельности» [5]. Глубинному отражению природы в семантическом пространстве воззрений, выраженных в языке через фольклор и мифологию, а также отраженных в обрядах и деятельности славян посвящен фундаментальный трехтомный труд А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» [6]. Символика живой и неживой природы в языке, отраженной также в мифологии и фольклоре народной культуры подробно анализируется в работах А.А. Потебни [7]. Символика животных и система представлений о животном мире подробно разбирается в работе А.В. Гуря «Символика животных в славянской народной традиции» [8]. Концепция календарной обрядности В.Я. Проппа основана на идее о том, что праздники в традиционной культуре имеют под собой первоначальную основу не религиозного, а аграрного характера, то есть связаны с особенностями деятельности человека в системе «человек—природа»: «Праздники оказались теснейшим образом связаны с земледельческими интересами и стремлениями крестьян» [9].

Специфика взаимосвязи жизни человека с природой в традиционной культуре

Связь жизни человека в традиционной культуре с природой очень сложна и тесна. Практически все существование сельских жителей и их хозяйственная деятель-

---

ность завязана на особенности климата, рельефа, почв, водоемов, растительной природы и животного мира. От своеобразия природных факторов зависят особенности жилья, утвари, особенности социального взаимодействия, выстраивается аграрный календарь, на основе которого формируется праздничный цикл. Семейные циклы, находящиеся в тесной взаимосвязи с календарной обрядностью, таким образом, также оказываются связанными с природными. Особенности дорог и водных путей, заданные географическими условиями, организуют коммуникативное и экономико-хозяйственное пространство с другими селениями и регионами.

В ценностно-знаковой среде происходит отражение восприятия природы в фольклоре, в системе запретов и разрешений во взаимоотношении человека с природой. Природе зачастую приписываются антропные свойства, а человеку природные характеристики. Человек приписывает окружающей природе систему значений — в народном сознании одни природные места становятся особо значимыми, сакральными (святые рощи, святы камни, святы источники, озера и т.д.), а другие, наоборот, проклятыми. Своеобразие окружающей человека природы определяет космогоническую картину мира человека. В традиционной культуре для человека характерно представление о природе как о целостной всеобъемлющей среде своего бытия, от которой он очень сильно зависит, поскольку, пользуясь словами В.С. Мухиной, «природа представлена в сознании обыденного человека как нечто неизменно живое, воспроизводящее и дарующее — как источник жизни» [10]. Природа таит в себе и дары, и опасности, и человек в традиционной культуре овладевает знаниями взаимодействия с ней, которые закреплены в системе традиций, транслируемых от поколения к поколению. Нарушение этих традиций зачастую несет урон природе, а след за ней и самому человеку, поскольку его жизнь находится в неразрывной связи с природой. Пользуясь современной терминологией, традиционное сознание является в полной мере «экологическим», то есть в системе представлений которого существует понимание глубинных взаимосвязей экосистем, стихий и явлений природы.

Направления исследования природной реальности жизни человека

Природные реалии мы разделяем на:

- * небесное пространство (Солнце, Луна, звездное небо, астрономические явления);
- * географические условия (рельеф, почвы, водоемы);
- * климатические условия (специфика климата в разное время года, погодные явления);
- * природные стихии (земля, воздух, вода, огонь);
- * растительный мир (дикий, используемый и освоенный человеком);
- * животный мир (дикий, используемый и освоенный человеком).

При этом учитываются степень освоенности и уровень значимости для жизнедеятельности, включенность в хозяйственную деятельность (например, в отношении животного мира: дикие животные, не входящие в сферу интересов человека; дикие животные на которые существуют промыслы; домашние животные и т.д.), специфика отражения в сознании и системе отношений.

При исследовании природных реалий развития и бытия личности в традиционной культуре русских деревень нами фиксируется:

- * объективная специфика природных реалий;
- * взаимосвязь природных реалий с хозяйственной деятельностью человека;
- * влияние природного пространства на коммуникативное;
- * отражение объективной специфики природной реальности в ценностно-символической сфере;
- * система отношения к тем или иным элементам природной реалии;
- * особенность приписывания антропоморфных свойств элементам природной реальности;
- * функциональность для человека тех или иных представлений о природе или включения ее в специфическую (выходящую за рамки просто хозяйственной) деятельность;
- * система представлений о природопользовании (система примет, правил и запретов).

Рукотворные реалии развития и бытия личности

2. *Предметная среда (рукотворные реалии бытия человека — дома, дворы, ограды, орудия труда, предметы быта, одежда, реликвии, обереги, церкви, часовни, заветные кресты, культовая утварь).*

Опосредование взаимодействия человека с окружающей действительностью через предметную среду

Взаимодействие человека с природой, а также с другими людьми во многом опосредовано предметной или, выражаясь более образно, рукотворной средой. В традиционной культуре определение предметной среды как

рукотворной особенно уместно. Вся жизнь человека неразрывно связана с миром вещей, который окружает нас и в своей реальной предметности, и в знаково-символическом, и образном выражении, и в социальном значении. В определении В.С. Мухиной: «Предмет или вещь в сознании человека есть единица, часть сущего, все то, что обладает совокупностью свойств, занимает объем в пространстве и находится в отношении с другими единицами сущего. В реальность предметного мира входят предметы природы и рукотворные предметы, которые человек создал в процессе исторического развития. Человечество в процессе своего развития сформировало систему — отношения к предмету. Эти отношения к предмету присутствуют в языке, мифологии, философии, мировоззрении и в поведении человека» [11].

Значение предмета для человека

Человек в своем развитии, входя в мир предметов и формируясь в его опосредовании, позже начинает «опредмечивать» самого себя в окружающем пространстве в разных видах символической деятельности и рукотворности.

Многие предметы утвари и повседневного обихода могут иметь особое субъективное значение в семье, для отдельного человека. «Вещи-символы помогают структурировать пространство дома как поле, в котором живут и взаимодействуют члены семьи» (Осорина М.В.) [12]. В традиционной культуре роль стола как центра организующего семью, красного угла как главного и самого почетного места в доме играют важное значение.

Роль предмета в социальном и ценностно-символическом пространстве

Те или иные предметы или образ одежды имеют социальное значение, отражающее отношение к другим людям, опосредуя их взаимодействие и взаимоотношения. Практически все предметы быта, хозяйствования, одежда и т.д. в традиционной культуре несут как на себе (в виде рисунков, вышивок, символов, знаков и т.д.), так и собой (в системе деятельности и при анимизации) особое значение, играющее свою роль в общей картине мира. Многие предметы (например, рисунок на прялке или вышивка на полотенце) [13] могут выражать космогонические представления. Ряд вещей становится особо значимым для субъекта (оберег, ладанка, семейная реликвия и т.д.) и, возможно, играет важную роль в его жизни. Другие вещи, существую-

щие как культовые, в сознании носителей традиционной культуры могут занимать ключевое значение в жизни села, региона, а, возможно, в представлениях людей, и для человечества. В системе мировоззрения в традиционной культуре происходит обязательная сакрализация тех или иных мест, которые также связываются с рукотворной средой (на них ставятся часовни, заветные кресты, к ним приносят те или иные предметы — платы, деньги, свечи и т.д.).

Специфика дома в традиционной культуре

Дом в традиционных представлениях является своеобразным микрокосмосом для человека, как пространственным, так и знаково-символическим. Дом является своеобразным символом человеческой личности. Устройство дома в традиционной культуре является, с одной стороны, проекцией личности, а, с другой, отражением представлений о мироздании. Все элементы дома (стены, отверстия, порог, крыша, печь и т.д.) имеют значение в сознании человека. Основная функция дома в символическом пространстве — это «выделить и ограничить в макрокосмосе безопасное пространство, создать микрокосмос; особенно важна верхняя граница — крыша, далее стены и конструктивная основа строения — балки и столбы. «Укрытие», «отгороженность» от макрокосмоса предполагает герметичность микрокосмоса/дома. Однако необходимое условие жизни человека — контакты с внешним миром, и в доме, следовательно, должно быть отверстие для входа и выхода. Абсолютно герметичный дом является «неправильным», поскольку из него нет выхода: это гроб, могила» (Цивьян Т.В.) [14]. Категория дома и ограды имеют особое значение для сознания человека, а тем более в традиционной культуре, где представления о разделении мира на «свой» и «чужой» сохраняет свою актуальность. Поэтому система оберегов, играющая символическое выражение преграждения для проникновения «чужого и враждебного» в «свой» мир, значения охраны благополучия и целостности «своего» мира, остается очень значимой в традиционном сознании.

Взаимосвязь рукотворной среды с другими реалиями и его роль в развитии и бытии личности

Рукотворный мир является неразрывно связанным с природным, социальным и знаково-символическим, опосредуя, обозначая, организуя, провоцируя или являясь основанием для жизни и жизнедеятельности человека. Рукотворный мир, с одной стороны, является средой развития и бытия человека, а, с другой стороны, — вы-

ражением человека в пространстве через продукты его деятельности, уже становясь символом самого человека. По выражению В.С. Мухиной: «Мир вещей — мир человеческого духа: мир его потребностей, его чувств, его образа мышления и образа жизни. Человек, создавая вещный мир, психологически вошел в него со всеми вытекающими из этого последствиями: мир вещей — среда обитания человека — условие его бытия, средство удовлетворения его потребностей и условие его духовного развития» [15]. При кардинальном изменении функциональных предметов и появлении принципиально новых вещей, окружающих человека в настоящее время, естественно, меняется его жизнь, меняются его представления о себе, других, мире. Меняется также система получения информации, способы коммуникации, ритм и образ жизни; меняются традиции.

Рукотворные реалии мы разделяем на:

- * поселения, дороги;
- * дом и домашняя утварь;
- * хозяйственные строения и хозяйственная утварь, орудия труда;
- * средства передвижения;
- * одежда и обувь;
- * пища;
- * игрушка и развивающая предметная среда;
- * художественно-эстетические предметы;
- * культовые строения;
- * особо значимые предметы (материальные ценности, имеющее духовное значение — общее, для семьи, для человека).

При этом учитываются степень включенности в хозяйственную деятельность, характер включенности, функциональное значение, специфика отражения в сознании и системе отношений и т.д. Также важно учитывать степень традиционности предмета или изменение его функциональности.

При исследовании предметных реалий развития и бытия личности в традиционной культуре русских деревень нами фиксируется:

- * степень рукотворности предмета и его объективные свойства;
- * региональная специфичность предмета;
- * особенности изготовления и (или) приобретения предмета;

Социальные реалии развития и бытия личности

- * специфика и функциональность использование предмета в жизнедеятельности человека;
  - * роль предмета для коммуникативного пространства;
  - * отражение специфики предметной реальности в ценностно-символической сфере;
  - * система отношения к тем или иным предметам;
  - * особенность приписывания антропоморфных свойств предметам;
  - * система представлений о возможностях использования предмета (система правил, примет и запретов).
3. *Социальная среда (этническая среда, селение, родственные отношения, семья, соседство, экономико-хозяйственные связи).*

Специфика социальной среды в традиционной культуре

Социальная среда является носителем тех самых традиций, системы норм, представлений о мире, в которые входит человек и согласно которым выстраивается его жизнь в традиционной культуре. «Реальность социального пространства имеет организующее поведение человека, его образ мыслей и мотивов начало, выражаемое в социальном ожидании людей, в системе принятых обязанностей и прав» (Мухина В.С.) [16].

Моноэтничность как условие большей сохранности традиций

Традиционная культура характеризуется достаточно четкой и стабильно существующей системой нормативов, прав и обязанностей, определяющих взаимодействие человека как с другими людьми, так и с окружающей его природой, предметной средой, а также формируют его самосознание. В исследованиях В.С. Мухиной было показано, что «структура самосознания личности строится внутри порождающей ее системы — человеческой общности, к которой принадлежит личность» [17].

Влияние специфики типа поселения на развитие и бытие личности

Важной характеристикой социальной среды является моно- или полиэтничность. В построении данной программы исследования традиционной культуры мы ориентируемся на моноэтничность среды, что позволяет, с одной стороны, не акцентироваться на вопросах межэтнического общения и аккультурации, а с другой стороны, является условием большей стабильности сохранности традиций. Однако, становится интересным вопрос о характере представлений о других этносах при практически полном отсутствии реального контакта с ними.

Тип селения, его размер, характер хозяйственной деятельности — все это, безусловно, оказывает влияние на развитие и бытие личности. А.В. Мудрик, выделяя тип поселения как особый фактор социализации, отмечает:

«Сельские поселения являются весьма эффективным фактором социализации, поскольку в них достаточно силен социальный контроль жизнедеятельности человека со стороны его окружения. Это связано с тем, что в жизненном укладе селян сохранились элементы традиционной соседской общины, в первую очередь, тесные родственные и соседские связи» [18]. Так, например, на Русском Севере исторически сложился кустовой, или, пользуясь терминологией М.В. Витовта [19], «гнездовой» тип расселения, т.е. несколько деревень расположены близко друг к другу, объединенные либо одним центром (обычно погостом), либо берегом реки или озера. В таких «гнездах» деревень родственные связи очень тесны, и естественно, все жители хорошо знакомы друг с другом. Зачастую можно отметить общее имя, объединяющее жителей этих соседствующих деревень в одно «мы», хотя все-таки границы деревни остаются ведущим принципом для формирования в самосознании «мы» как социальной категории принадлежности к общности [20].

В современной русской деревне продолжает превалировать принцип передачи культуры через межличностные взаимодействия («из уст в уста»), но при этом в личностном общении и взаимодействии происходит трансляция в первую очередь общего, народного сознания, а не личностного, индивидуального. Идентичность поколений формируется и укрепляется в процессе усвоения конкретной культуры. Превалирование семейного, родового, общедеревенского «мы» над индивидуальным «я» сохраняется, что также позволяет культуре быть более устойчивой. В системе традиционных нормативов в деревне проявление индивидуальности и личностной особенности не одобряется. Осознание и выражение себя в контексте традиционно сложившейся системы отношений поддерживает социальную общность в стабильности. Межпоколенные конфликты в деревнях слабо выражены, так как они регламентируются рамками отношений между старшим, средним и младшим поколениями, которые задаются традицией. В деревнях сохранение традиций является ценностью, а их нарушение влечет социальное осуждение.

Существенным нормативом, регулирующим взаимодействие человека с другими людьми, миром и самим со-

бой остаются религиозные представления и так называемая «народная вера», существующая в социальной общности и привязанная к конкретным региональным особенностям.

Тенденции изменений в системе социальных нормативов традиционной культуры русской деревни

В последнее время, благодаря развитию книжной культуры и средств массовой коммуникации, социальная среда в деревнях претерпевает сильное воздействие через усвоение иных способов передачи знаний (обучение, книги) и средства массовой информации, в которых транслируются иные ценности, не свойственные региональной традиции. Средства массовой информации формируют новые установки, расшатывая и трансформируя традиционные. Однако СМИ и книжная культура еще не вытеснили окончательно традиционные принципы трансляции культуры в деревнях. Трансляцией социальных нормативов, регламентирующей жизнь человека, является не только традиционная система воспитания и система санкций, но и ценностно-символическая система, выраженная в фольклоре, обрядах, ритуалах, мировоззрение, отраженные в знаково-образных системах.

Направления исследования социальной реальности жизни человека

Социальные реалии мы разделяем на:

- * государство (система отношений к власти и представления о государстве);
- * этническая среда;
- * регион (как социальное пространство);
- * система поселений, объединенная общим названием;
- * социальные институты (школа, колхоз, национальный парк как организация и т.д.);
- * селение;
- * «конец» деревни, выделенный общим именем;
- * род;
- * семья;
- * соседство;
- * межпоколенные связи;
- * взаимосвязи внутри поколения.

При этом учитываются степень сохранности (преемственности) или инновационности, а также четкости осознания и проявления тех или иных нормативов, представлений, действий и т.д.; взаимосвязь мировоззренческих представлений с системой социальных отношений.

При исследовании социальных реалий развития и бытия личности в традиционной культуре русских деревень нами фиксируется:

- * система противопоставлений (или) объединений в «мы» и «они»;
- * общее наименование и его характер;
- * интенсивность коммуникации и ее обусловленность;
- * выделение личностного отношения, мнения, вообще категории «я»;
- * характер внутри- и междеревенских, поколенных, родовых, семейных, гендерных отношений;
- * система правил и нормативов во взаимоотношениях («конвенциональные нормы»);
- * моральные и нравственные представления и нормативы;
- * система прав и обязанностей;
- * статусная система;
- * хозяйственно-экономические взаимоотношения;
- * обрядовая система общая для всех жителей;
- * система семейной обрядности;
- * присутствие СМИ в жизни людей, включенность в книжную культуру;
- * демографические и миграционные процессы;
- * особенности во взаимоотношениях с исследователем.

Ценностно-символические реалии развития и бытия личности

4. *Ценностно-символическая среда (отражение всех реалий бытия в народном сознании через символы, знаки, образы — фольклор, семиотика, топонимика, ономастика, обряды, ритуалы и т.д.).*

Любая социальная общность объединена ценно-символической средой, которая включает ее как в более широкие общности, вплоть до общечеловеческой, так и наполнена субъективными значениями. Ценностно-символическая среда в традиционной культуре является отражением всех реалий бытия в народном сознании через символы, образы и знаки, включенные в сложное семантическое пространство культуры. По определению В.С. Мухиной: «Знак — любой материальный чувственно воспринимаемый элемент действительности, выступающий в определенном значении и используемый для хранения и передачи некоторой идеальной информации о том, что лежит за пределами этого материального образования. Знак включается в познавательную и творческую деятельность человека, в общение людей» [21]. Ценностно-символическая среда выражается в двух знаковых системах — языковой и неязыковой.

Отражение знаков и символов
в языке

Немецкий философ Э. Кассирер [22] считал, что для человеческого духа свойственны символические формы, которые проявляются в знаках, в языке, в отвлеченных понятиях. Человек тем и отличается от животного, что способен мыслить и организовывать свое поведение в пределах «символических форм», а не только в пределах наглядного опыта. Основной символической формой для воплощения смыслов и значений является слово, включенное в единое семантическое пространство языка. А.Р. Лурия в своей работе «Язык и сознание» пишет о слове как основном элементе языка, как носителе определенного значения: «Слово обозначает вещи, слово выделяет признаки, действия, отношения. Слово объединяет объекты в известные системы, иначе говоря, кодирует наш опыт» [23]. По словам отечественного лингвиста А.А. Потебни, слово является средством объективировать мысль, преобразовать впечатление для создания новой мысли: «Слово есть средство объединения образа, обобщения, анализа образа» [24]. Наиболее образно значение и смысл слова для сознания выразил Л.С. Выготский: «Сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [25].

Отталкиваясь от идеи, которую высказал А.А. Потебня: «Язык есть средство понимать самого себя» [26], в нашем исследовании язык, выражая ценностную систему и закрепленный в определенные текстуальные формы (фольклорные тексты), является средством познания народного сознания, в рамках которого происходит формирование личности. В целом все народное творчество является отражением ценностно-символической среды бытия личности в контексте традиционной культуры. А.А. Потебня писал: «Вначале слово и поэзия сосредоточивают в себе всю эстетическую жизнь народа, заключают в себе зародыши остальных искусств в том смысле, что совокупность содержания, доступного только этим последним, первоначально составляет невыраженное и несознанное дополнение к слову. До значительной степени это относится и к музыке» [27].

Фольклор как знаково-символическое отражение действительности

Н.И. Толстой, изучая духовную культуру разнообразия и особенностей культурного ландшафта региона Пolesья в области традиционного быта, нравов, обычаев и местного языка, отражающих ценностно-символическую среду бытия человека, выявил, что: «Народный язык, говоры, народные обряды, представления и вся народная культура вкупе с элементами включенной в нее материальной культуры представляет собой единое целое и с научной точки зрения, и в представлении носителей этой культуры. (...) Диалект (равно как и макро- и микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если народную духовную культуру выделять из этнографических рамок» [28].

Фольклор в действительности не существует в отрыве естественного уклада жизни традиционной культуры, он включен во все сферы человеческого бытия в контексте традиции на протяжении всей жизни человека и выражает в сложившихся жанровых формах систему мировоззрения и отношения к миру, другим, самому себе. Фольклор, отражая действительность, разделяется на жанры, согласно теории В.Я. Проппа [29], исторически, то есть жанровое деление сложилось в связи с историческими эпохами, социальной средой и формой мышления. В нашем исследовании интересными являются особенности фольклорного репертуара, трансформация жанров, сохранение или изменения сюжетов, знаково-символическая нагрузка текстов и много другое, что отражает особенности изменяющейся ценностно-символической среды развития и бытия личности в контексте традиционной культуры. В рамки нашего исследования попадают не только устоявшиеся жанры фольклора, выраженные в форме мало изменяющихся текстов, но и новые, еще окончательно не сложившиеся и легко изменяющиеся в содержании текста прозаические жанры, такие как былички, вещие сны и т.п., сюжет которых во многом так или иначе связан с жизнью информанта.

Топонимика и ономастика как знаковое отражение представлений о природной и социальной реалиях

Географические (топонимика) и личные (ономастика) имена также являются знаковым отражением представлений, существующих в традиционной культуре, обращенных на природное или социальное пространство. При изучении топонимов можно увидеть, как

принимается, описывается, структурируется окружающая человека природная среда, как она входит и отражается в ценностно-символическом мире народного сознания. Микротопонимика показывает актуальность для человека и включенность в хозяйственную деятельность тех или иных пространств, деление пространства, связанное с социальной средой села и региона. Названия отражают систему отношений к миру и образность представлений людей в традиционной культуре. Особенно интересными для понимания социальной среды в противопоставлении «мы-они» являются тексты, выражающие самоотношение жителей деревни или отношение их к «соседским» деревням в форме прозвищ, дразнилок и т.п., включенных в клички, частушки, песни и т.д. Имена собственные, которые выражены не только в документах, но в фамилиях по роду, прозвищах фамильных и личных, отражают особенности социальной среды. Принцип, по какому дается ребенку имя, показывает характер связи с родом, особенности ожиданий родителей от ребенка и многое другое. Характер изменений имени при изменении отношения к человеку (ласкательные, унижительные и т.п.) отражает особенности взаимоотношений людей и т.д.

Обряд и ритуал как ценностно-символическое пространство

Жизнь человека в контексте традиционной культуры неразрывно связана с различными обрядами и ритуалами, которые как в своей целостности, так и своими отдельными актами, атрибутами, действиями несут в себе огромное и сложное ценностно-символическое пространство. При происходящей трансформации значений обрядов и ритуалов из сакральных в игровые, совсем не всегда теряется насыщенность в них сложной семантики знаков и образов.

Неязыковая система знаков и их специфика в традиционной культуре

Неязыковая система знаков, которая по классификации В.С. Мухиной [30], делится на знаки-признаки, знаки-копии, автономные знаки, знаки-символы и знаки-эталон, играет немаловажное значение в жизни людей в контексте традиционной культуры.

Знаки-признаки

Знаки-признаки в первую очередь отражают сложную взаимосвязь человека и природы, а также связаны с хозяйственной деятельностью и социальными взаимоотношениями: метеорологические признаки, ориентация в пространстве, приметы для той или иной хозяйственной деятельности — охоты, рыболовства, скотоводства,

---

земледелия и т.д., приметы на судьбу и т.д. Велика роль знаков-признаков в системе календарных примет и гаданий.

Знаки-копии

Знаки-копии выражены в первую очередь в рисунках-оберегах на домах, одежде и утвари, а также в иконографии. Однако, стоит отметить, что отношение к иконе в народной вере на Русском Севере в первую очередь выражено не как к образу, а как к предмету. Зачастую изображение уже не видно (из-за плохой сохранности), или ему не придается значение, но сам предмет является значимым для человека. В последнее столетие важное значение для семейной и личной памяти приобретает фотография. Для развития ребенка остаются важными знаки-копии в виде игрушек, копирующих в своем образе людей, предметный мир взрослых и природы.

Автономные знаки

Автономные знаки, как «специфическая форма существования индивидуальных знаков, которая создается отдельным человеком (или группой людей), согласно психологическим законам творческой созидательной деятельности» [31], не столь выражены в традиционной культуре как другие, так как вообще любая форма индивидуации (особенно личностной) в нормативах традиционной культуры не одобряется.

Знаки-символы

При этом огромную роль в жизни традиционной культуры имеют знаки-символы, особенно в форме оберегов, космогонических символов, символов плодородия и т.д. В смеховом (карнавальном) мире традиционной культуры важную символическую нагрузку несут смех, брань, маски, одежда, ряд предметов и многое другое, смысл которых зачастую иной или перевернутый, нежели в обычном ходе жизни [32]. Традиционная культура так или иначе вся пронизана символическими значениями, как в текстуальных формах, так и в предметной, природной и социальной средах. Ю.М. Лотман писал: «В символе всегда есть что-то архаическое. Каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функции архаики. Сгущение символов здесь обычно особенно заметно. (...) Являясь важным механизмом памяти культуры, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного пласта культуры в другой» [33]. Для религии и искусства символ выступает как содержательная основа, таким образом, в нашем исследовании

должно быть уделено особое внимание к проблеме народной религии и народного творчества. А. Белый в своей работе «Символизм как миропонимание» определяет три основополагающие позиции по отношению к пониманию символа: «1) символ всегда отражает действительность; 2) символ есть образ, видоизмененный переживанием; 3) форма художественного образа неотделима от содержания» [34].

Знаки-эталоны

Знаки-эталоны в виде эталонов цвета, формы, размеров, музыкальных звуков, устной речи и т.д. являются обязательными и необходимыми для развития человека и усвоения им культурного пространства в любой социальной и природной среде. В традиционной культуре это зачастую выражается в системе четких представлений о «идеальном» и «правильном», воплощенных в процессе реальной деятельности людей и ее продуктах. В традиционной культуре с помощью системы эталонов формируется своеобразие восприятия мира, образности выражения себя в этом мире в тесной взаимосвязи всех сред бытия человека.

Сложная языковая система и все разнообразие неязыковых систем знаков, отражающих ценностно-символическую среду, которая, в свою очередь, неразрывно связана с природной, предметной и социальной средами целостного мира традиционной культуры, создают неповторимую реальность развития и бытия человека, находящуюся в непрерывной динамике и трансформации.

Направления исследования ценностно-символической реальности жизни человека

Ценностно-символические реалии мы разделяем на:

- * топонимика и ономастика;
- * специфические диалектические понятия и вообще пространство понятий и смыслов;
- * фольклорные тексты (по традиционному жанровому делению);
- * система верований и суеверий;
- * ценностно-символическая компонента календарной обрядности;
- * ценностно-символическая компонента семейной обрядности;
- * ценностно-символическое отражение в предметности;
- * ценностно-символическое отражение природной реалии.

При этом учитываются степень сохранности (преемственности) или инновационности, а также четкости осозна-

---

ния и проявления тех или иных знаков, символов, ценностных представлений и т.д.; региональная специфика всей ценностно-символической сферы; специфика отражения религиозных и мировоззренческих представлений через ценностно-символическую систему; особенности сознания и самосознания жителей формирующихся или выражающихся в данном ценностно-символическом пространстве.

При исследовании ценностно-символических реалий развития и бытия личности в традиционной культуре русских деревень нами фиксируется:

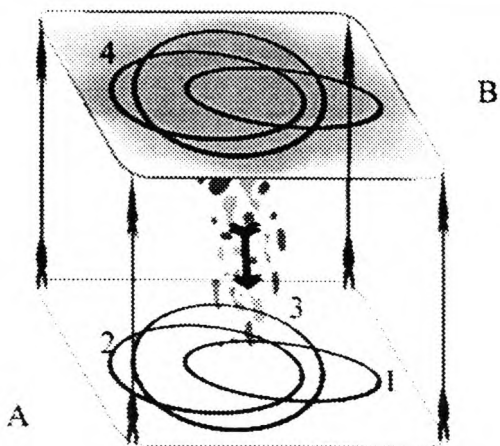
- * топонимика и топонимические легенды;
- * ономастика (причины и традиции выбора имени);
- * наименование животного и растительного мира;
- * наименование и отражение в фольклоре значимых природных явлений;
- * родины, крестины и вообще пространство детства;
- * пространство предсвадебной, свадебной и после свадебной периодов;
- * похоронная обрядность и представления и загробном мире;
- * представления о здоровье и болезни, народная медицина;
- * народные верования и религиозные представления церковного характера;
- * картина мира, психологическое пространство;
- * время и календарь;
- * обрядовые действия;
- * система оберегов;
- * значимость обиходной предметности;
- * фольклорный репертуар и характер его бытования;
- * былички, вещие сны, демонологические рассказы;
- * специфические региональные традиции.

Соотношение реалий развития
и бытия личности

Как мы уже отмечали, представленное разделение реалий пространства условно, поскольку в действительности все взаимосвязано. Одно и то же явление, предмет, понятие могут определяться в каждом из выделенных пространств. Однако попробуем схематично соотнести данные разделенные реалии по отношению друг к другу, в их взаимосвязи (см. схему). Представленная схема соотношения реалий бытия и развития личности отталкивается от идеи, предложенной Н.Г. Алексеевым.

Схема соотношения реалий бытия
и развития личности

- A – реальная плоскость
- B – идеальная плоскость
- 1 – природные реалии
- 2 – рукотворные реалии
- 3 – социальные реалии
- 4 – ценностно-символические реалии

Природные реалии выступают первоосновой. В зависимости от особенностей культуры, уровня цивилизации, региональной специфики она в той или иной мере обуславливает особенности рукотворных реалий. Рукотворные реалии в определенной степени могут выходить за пределы зависимости от природной реалии. Характер зависимости развития и бытия личности от природной и рукотворной реалий определяется спецификой региональной культуры, уровнем ее традиционности, в том числе насколько сообщество живет натуральным хозяйством и т.п. Если противопоставлять особенности данных реалий по отношению к человеку в сельских и городских условиях, то можно отметить следующее. В сельской местности природные реалии выступают на передний план, а рукотворная среда во многом является для человека посредником, средством взаимодействия с ней. В городе предметная среда отгораживает существование человека от природы, заставляя или опосредуя ее собой. В любом случае и природные реалии и пространство предметов по большей части оказываются значимыми для человека только через включение их в социальную среду. Специфика отражения природной и рукотворной реалий в системе отношений человека и его самосознании зависит от социокультурного пространства, в котором происходит развитие и бытие личности. При этом не все пространство природных и рукотворных реалий оказываются включенными в социальное пространство. Не все природные реалии могут входить в сферу деятельности

или выступать значимыми для социума на конкретный исторический момент времени. Те или иные рукотворные реалии могут выпасть из сферы интересов, переставать быть значимыми для конкретного сообщества или человечества в целом (например, материальная сторона «мертвых культур», покинутые селения, не используемая утварь и т.д.).

Ценностно-символическая реалья в отличие от предыдущих трех сред является идеальным планом, то есть находится в иной плоскости. Данная реалья отражает в себе и природную, и рукотворную, и социальную среды. Можно говорить, что именно на основе специфики отражения тех или иных реалий в ценностно-символическом плане явления или предметы оказываются значимыми, так или иначе включаются в сферу интересов и деятельности человека. Название данной идеальной реальности развития и бытия личности не случайно — «ценностное» — по содержанию, а «символическое» — по форме.

Рассмотрение развития и бытия человека во времени

Исторический ракурс

История (жизни человека — дома — семьи — деревни — края — страны).

Для понимания, что и как претерпевает изменения, нам необходим исторический ракурс рассмотрения всех изучаемых сред. Наиболее органичным алгоритмом исследования в этом отношении является изучение истории жизни человека в связи с историей всех сред и условий его существования, начиная от непосредственно его окружающих (дом, семья, деревня), заканчивая общеисторическими процессами, происходившими в крае, стране, мире.

При построении программы исследования важными выступают не только ракурсы прошлое и настоящее, но и будущее. Особенности описаний того как было, как есть и что будет, ярко характеризуют людей, особенно если в отношении «как было» и «как есть» в настоящий момент существует возможность объективного сопоставления с субъективными представлениями. Также остается интересным выявление представлений в личном и народном сознании в русской традиционной культуре изучаемого региона об истории, личном

Рассмотрение традиции как динамического процесса трансляции культуры

времени, возрасте, смене эпох и других понятиях, связанных с категорией времени.

Традиция (*трансляция, изменение и трансформация культурных ценностей и форм в условиях межпоколенной преемственности*).

Традиция понимается нами как динамический, саморазвивающийся культурный процесс, организующий взаимодействие человека с миром, с другими, с самим собой, выраженный в форме народной рефлексии, отражаемой в индивидуальном сознании. Благодаря культурной традиции происходит трансляция культурных ценностей, форм и условий, в которых проистекает развитие и бытие личности. Одним из вопросов нашего исследования является то, как происходят взаимовлияющие изменения условий существования личности (природной, предметной, социальной, ценностно-символической) и трансформация культурной традиции.

И.С. Кон, изучая межпоколенную культурную трансмиссию как сложный социальный процесс, выделил ряд относительно самостоятельных аспектов [35]:

- 1) субъективный — от кого и кому передается культура (какие поколения и как участвуют в трансляции культуры);
- 2) объективный — что именно, какие знания, навыки, ценности, социальные установки передаются, какие свойства социальная общность старается привить детям и т.п.;
- 3) процессуальный — какими путями и способами осуществляется трансмиссия;
- 4) институциональный — посредством каких специализированных социальных институтов она осуществляется.

По отношению к этим ракурсам в программе нашего исследования можно сделать следующие замечания. В исследовании принимают участие три поколения, однако следует отметить, что демографическая ситуация в большинстве регионов с сохранной русской традиционной культурой в последние десятилетия такова, что младшее и среднее поколение покидают регион (во всяком случае малые деревни), остающемуся же старшему поколению уже не всегда есть кому транслировать культуру. Поэтому особое внимание в работе важно уделять именно тем семьям, где присутствуют все три поколения. Важным вопросом остается — какие поколения и как принимали и продолжают принимать участие в системе трансляции культурной традиции, какие изменения в этом ракурсе происходят. В отно-

---

шении второго и третьего, объективного и процессуального аспектов — они являются основными вопросами в программы исследования. Основными же социальными институтами трансляции культурной традиции нами рассматриваются семья и род, соседство и микросоциум, а также необходимо в настоящее время учитывать роль сельской школы и учителей на селе. Однако только социальными институтами как посредниками трансляции культуры в исследовании нельзя ограничиться, поскольку книжная культура, СМИ, различные социально-экономические и административно-организационные моменты также входят в систему влияния на изучаемые процессы.

Таким образом, мы говорим, что исследование проводится в работе с тремя поколениями жителей деревень (старшим, средним, младшим), дополняемые включенным наблюдением, результаты которых соотносятся с литературными данными и материалами архивов и экспедиций XIX—XX веков в изучаемом регионе.

Особенностью психологического исследования личности в традиционной культуре

Особенностью психологического исследования личности в традиционной культуре в данной программе является то, что в центре изучения стоит субъективная реальность человека в неразрывной связи с системой культурной реальности традиции. Таким образом, основными ракурсами для фиксации исследовательского материала становятся:

- 1) **фиксация и изучение внешних условий**, что необходимо для понимания особенностей детерминации формирования и развития психического мира человека;
- 2) **фиксация понимания и отношения** к действительности; особенности отражения объективных реалий в субъективном мире, который сформирован в условиях целостного ценностно-символического традиционного мировоззрения во взаимосвязи с социальной, рукотворной и природной средами развития и бытия личности.

Проблемы, возникающие при проведении исследования развития и бытия личности в традиционной культуре

Прежде чем перейти к особенностям, принципам и методам сбора первичного исследовательского материала, необходимо отметить основные проблемы, с которыми

сталкивается исследователь, изучая личность в контексте традиционной культуры. Проблемы, выделяемые нами, являются общими для исследований личности в контексте культуры, так как они вытекают из истории формирования данного направления исследования, особенностей принципов и методов сбора информации. Отметим, что нижеизложенные проблемы учитываются как в ходе подготовки и проведения исследования, так и в обобщении собранных материалов.

Проблема сопоставимости
материалов исследования

1. Проблема сопоставимости с материалами других исследований

Исследования русской традиционной культуры начинались в русле фольклористики, этнографии, истории, архитектуры и искусствознания. Проблема человека, его личности в исследованиях традиционной культуры стала затрагиваться сравнительно недавно. Например, в изучаемом нами регионе Русского Севера (Кенозерье и Каргополье Архангельской области) исследовательские экспедиции начали проводиться с 1859 года и с определенной периодичностью продолжают до настоящего момента. Такая продолжительность систематического исследования региона по идее должна была бы облегчить наш анализ психологических особенностей личности в условиях традиционной преемственности, но это затрудняется тем, что изначально экспедиции были тематически узко специализированы. Различия между экспедициями были не столько в методах сбора информации, сколько в том, что фиксировалось, на что обращалось внимание. Данная проблема относится в той же или даже большей мере и к другим регионам, поскольку связана с общими тенденциями в развитии научных исследований в области традиционной культуры.

Постепенное движение в сборе
материала от узкожанровости к
комплексности

Изначально экспедиции проводились для фиксации только какой-нибудь одной темы, для изучения узкого вопроса, сбора конкретно-тематического материала. Лишь начиная с 1950-х годов тематический фиксируемый в экспедициях репертуар стал более разнообразным, хотя собиратели в основном еще придерживались узкожанрового подхода в сборе информации. В отчетах по экспедициям представлены материалы либо по топонимии, либо по говорам, либо по тематическому

разнообразие фольклора и т.д. В ряде экспедиций начала осуществляться методика «сплошной» записи (по примеру собирания фольклора братьями Б.М. и Ю.М. Соколовыми в Кириллово-Белозерском крае). В результате чего начинали фиксироваться тексты самого разного характера, социологическая ценность которых начинала осознаваться исследователями [36]. Однако направленность сознания собирателей была на определенные жанры фольклора, что определяло характер записанных текстов, а проблема личности в контексте традиционной культуры практически не затрагивалась. В наиболее полных и разносторонних отчетах описывается только состояние материальной и духовной культуры региона на основе данных, полученных от информантов, подкрепленных архивными материалами и обобщениями предыдущих исследований.

Возможности использования
краеведческой литературы

Другим пластом исследований региона является краеведческая литература, которая, правда, дает возможность получить представления либо о внешнем, видимом состоянии культуры и быта селений, либо является также узко тематической, либо отражает особенности восприятия самого автора, его впечатления, переживания и мысли, по поводу увиденного им во время путешествия, что отражает скорее особенности личности собирателя, а не жителей деревень.

Глубокое историческое рассмотрение
возможно только по узким темам

Глубокое и детальное сопоставление изучаемых вопросов может производиться только фрагментарно (по четко выбранной узкой теме без соотношения с целостной картиной). В исследованиях возможно лишь частичное использование материалов предшествующих экспедиций по ряду тем, затрагивающих изменения, произошедшие в условиях жизни и быта, а также в устной народной культуре сельских жителей деревень выбранного региона. При этом важно учитывать, что на протяжении всей истории исследования русской традиционной культуры принципы сбора и тематическая выборка сильно менялись и не устоялись до настоящего времени.

2. Проблема соотношения фрагмента с целостной картиной

Жанровое деление как необходимая
для исследования условность

Принципиально то, что отдельное явление (жанр, действие, обряд и т.п.) не существует в реальности вне целостной традиции. Жанровые и иные условные выделе-

ния отдельных явлений из целостной культурной традиции зачастую просто необходимы для исследования, но чреваты потерей понимания целостности мира традиционной культуры и дают только частичную информацию о тех или иных явлениях. Представление о возможности применения голографического принципа в рассмотрении какой-либо части или элемента культуры как отражении целостной картины мира данной культуры нами считается не всегда правомерным. Безусловно, те или иные конкретные, частичные факты и сюжеты могут ярко иллюстрировать особенности изучаемой культуры как контекста развития и бытия личности, но все равно не дают целостного представления о ней. Хотя те или иные элементы культуры в науке традиционно изучаются именно как отражение реальной действительности, в частности, фольклор — как отражение действительности в народном сознании. В.Я. Пропп отмечал, что может быть три аспекта отношения искусства (в частности фольклора) к действительности [37]:

- 1) всякое искусство порождено действительностью;
- 2) искусство отражает действительность и это отражение совершается вне воли и вне сознания создателя произведений;
- 3) создатель может активно стремиться изобразить действительность и изображение действительности составляет осознанную или неосознанную цель художника.

В фольклоре, как отмечает после такого разделения искусства и действительности В.Я. Пропп, единства нет и быть не может, а между этими аспектами существует тесная взаимосвязь. Однако ученый настаивает на жанровом разделении как на исторически сложившейся системе — «создание известной эпохи, среды, формы мышления» [38].

Важность рассмотрения духовного и материального пластов культуры в неразрывной взаимосвязи

Рассмотрение только духовной культуры в отрыве от условий и особенностей быта как среду развития и бытия личности зачастую искажает или не раскрывает важных нюансов определенных процессов и явлений. Ю.М. Лотман, в целом выстраивая свою концепцию изучения культуры именно на попытке рассмотрения всех ее элементов для понимания поступков и мотивов как реальных, так и литературных героев в контексте времени и культуры, писал: «Чтобы понимать смысл

поведения живых людей и литературных героев прошлого, необходимо знать их культуру: их простую, обычную жизнь, их привычки, представления о мире и т.д. и т.п.» [39].

Условность разделения «церковного» и «языческого»

Также, например, невозможно рассматривать систему мировоззрения носителей традиционной культуры в области «народной веры» не учитывая как церковного православия, так архаических элементов, имеющих корни в язычестве, которые тесно переплелись в сознании сельских жителей и, имея выражение как в предметной и природной сферах, так и в системе представлений о мире, являются целостным явлением, неразделяемым в сознании носителей на «церковное» и «языческое». Данное разделение происходит уже исключительно только в научных работах о «народной вере» или «народном православии». А.А. Панченко по этому поводу отмечает, что «априорное определение внешних границ и внутренней структуры народного христианства чревато многими опасностями: нередко исследователь попросту навязывает изучаемой традиции некоторые собственные представления. Поэтому рассмотрение памятников народной религиозности с точки зрения традиционного исторического богословия представляется несколько механистическим и не всегда адекватным исследуемому явлению» [40].

Соотношения фрагментарного разделения и целостности

В построении исследования трудно избежать в той или иной форме жанрового, обрядового и иного разделения целостного контекста бытия личности в традиционной культуре, целостности данной традиции в ее трансляции и трансформации. В конечном счете этого и невозможно избежать как при ходе исследования, так и при изложении и анализе результатов исследования. В данном случае необходимо, опять же на всех этапах исследования, рассматривая элементы культуры, учитывать особую ее целостность как условия бытия личности.

«Включение» в образ жизни и образ мысли

3. Проблема идентификации для понимания

Каждая культура живет сообразно своей логике. Описание исследователем иной культуры, исходя из своей логики, может дать только фактологический материал, но не понимание закономерностей, может и исказить этот материал. Необходимо особое погружение,

«включение» в образ жизни, а впоследствии и образ мысли носителей культуры. Собирателю должен пытаться идентифицировать себя с изучаемым этносом, культурной традицией, вжиться в нее.

В исследованиях личности в ином культурном контексте самому исследователю приходится проделывать над собой большую работу, сознательно погружаясь в особенности иного для него мира, в контекст иных традиций, пытаясь освоить эту иную логику культуры и научиться существовать в ней. С. В. Лурье так это описывает: «В процессе работы исследователь начинает угадывать реакцию представителей данного этноса на ту или иную ситуацию, учится сам воспроизводить логику рассуждения представителей данного этноса, короче, видит мир их глазами. Он строит в своем сознании модель мира, которая приблизительно соответствует той, которую имеют члены изучаемого этноса» [41].

Идею антрополога Э. Холл, что «нет другого пути познания культуры, кроме как изучить ее, как учат язык» [42], С. В. Лурье развивает, говоря о том, что «критерием понимания культуры является способность к распознаванию событий в любом их внешнем проявлении. Так, человек понимает речь на своем языке, даже если у говорящего нет зубов» [43].

Становление «причастным»
к изучаемой культуре

Основоположник функционализма Б. Малиновский отмечал: «Исследователь, занятый полевой работой, должен научиться думать, видеть, чувствовать, а иногда и вести себя как представитель данной культуры. Это не означает, что мы просто должны понять мир другого человека посредством общения. Посредством этнографического диалога мы должны создать мир, общий с ним. Чтобы воспринимать эту форму человеческого понимания, необходим период вживания в среду данного народа. Этот опыт является как бы инициацией этнографа» [44].

Таким образом, как пишут уже наши отечественные исследователи П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова: «Цель этнографа — не только знать, но и чувствовать, ощущать этнографическую «истину» и потому становиться как можно более причастным и вовлеченным — в моральном, эстетическом, эмоциональном и интеллектуальном смысле» [45].

Эмпатия как средство понимания
культуры и вопрос о ее фиксации

Один из способов такого «вхождения» или «включения» в образ жизни и мысли представителей иной культуры,

---

для наименьшего искажения в понимании их, это эмпатия. Как определяет С. В. Лурье: «Метод эмпатии, сочувствия, проникновения во внутреннюю логику других людей, улавливание значений, которые они вкладывали в слова, и смыслов, которыми они оперируют» [46]. По словам К. Роджерса, «эмпатическое понимание заключается в проникновении в чужой мир, умение релевантно войти в феноменологическое поле другого человека, внутрь его личного мира значений...» [47].

Однако получаемые знания через эмпатию трудно как-либо формализовать и зафиксировать. По мнению С.В. Лурье: «Опыт, приобретенный с помощью эмпатии, практически никогда не становится предметом фиксации и специального научного исследования» по двум причинам: во-первых, «по причинам этического характера», а во-вторых, «почти невозможно передать свое понимание содержания культуры тому, кто не пережил того же опыта. Однако этот опыт помогает понимать тот материал, который является непосредственным объектом исследования (...) и придает уверенность при их интерпретации» [48]. Именно поэтому нами считается принципиальным то, что описание особенностей личности в условиях конкретной культуры возможно делать только имея опыт включенной работы в данной культуре с ее носителями.

4. Проблемы, связанные с личностью собирателя

Влияние личности собирателя на процесс и результаты исследования

Проблемы, связанные с определенными сложностями для фиксации и интерпретации материала о личности в контексте культуры и о самой культуре, в последнее время стали отмечаться многими исследователями как этнографами и антропологами, так и психологами и социологами (Бутенко И.А., Лурье С. В., Чеснов Я.В., Ядов В.А., Краcke W.H. и др.).

В.А. Ядов [49] выделил следующие особенности влияния, пользуясь социологическими терминами, «интервьюера» в процессе работы с «респондентом» (в нашем случае «собирателя» с «информантом»):

* эффект стереотипного восприятия интервьюером респондента (впрочем, этот процесс существует и обратнo — стереотипное восприятие респондентом интервьюера, но об этом ниже);

* особенности согласования темпа и характера речи интервьюера и респондента;

* влияние внешнего облика, манеры поведения интервьюера на восприятие и отношение к себе со стороны респондента.

Добавим к этому еще:

* личностные, возрастные и половые особенности собирателя, которые влияют на процесс установление контакта и ведение работы с информантом (ряд вопросов могут быть открыты информантом только человеку своего же пола, своего, или, наоборот, младшего возраста, коммуникативный опыт и особенности общения собирателя — все это и многое другое, безусловно, влияют на сбор материала);

* особенности восприятия собирателем исследуемой культурной действительности, под влиянием собственного опыта. Раскрывая этот момент, уместно процитировать антрополога У. Краке: «Изучаем ли мы статистические данные, или материальную культуру, или любую другую объективную информацию — неизбежно впитываем содержание культуры в свою собственную личность. Полевая работа этнографа есть, в конечном счете, межличностное взаимодействие, и он участвует в этом взаимодействии вполне, сколь бы он ни хотел сохранить роль просто исследователя. Культура конструируется этнографом из его опыта этих отношений: инаковость культуры — это то, что этнограф воспринимает как отличное от его собственного прошлого опыта, часто в качестве несистематизированного интуитивного понимания, так что он не может еще эксплицитно выделить имеющиеся различия» [50];

* отражение изучаемой культурной действительности и людей, являющихся ее носителями и трансляторами, собиратель, в конечном счете, фиксирует материал, который прошел фильтры его собственного сознания, то есть, выражаясь словами С. В. Лурье: «То, что исследователь делает, фиксируя результаты своей работы на бумаге, оказывается в конечном счете интроспекцией. Он наблюдает за своими реакциями, научившись сам реагировать так же, как и члены данного этноса» [51].

И тут становится трудноразрешимая дилемма: с одной стороны — исследователь должен идентифицироваться с исследуемой социокультурной общностью, войти в нее, а с другой стороны — оставаться в позиции ис-

---

следователя, наблюдателя, то есть в отстраненной позиции. Оказывается важным совместить две, кажущиеся на первый взгляд несовместимыми, позиции. Этносоциологи П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова отмечают, что «...даже если «включенный» наблюдатель изучает знакомую ему группу людей или обстановку, он должен относиться к ним как к антропологически чуждым, и для этого потребуются особые усилия, чтобы обнаружить то, что им как представителем этой культуры не замечается или принимается как само собой разумеющееся. Важно научиться воспринимать окружающий мир отстранено, чтобы избежать соблазна передать в дальнейшем мнения и ценности представителей лишь одной из сторон. Кроме того, исследователь должен уметь сопереживать участникам событий, с тем чтобы лучше понять смысл, который те придают тем или иным предметам-символам, поведению. Важно быть готовым к восприятию исследуемого объекта подобно чужаку, иностранцу, стремиться освободиться от предубеждений и стереотипов, которые весьма сильны, особенно тогда, когда исследование проходит там, где все знакомо. Вместе с тем не менее важно учитывать свое собственное «предзнание», социальный опыт, без которого любой чужак-иностранец беспомощен и неспособен понять «очевидные» вещи» [52].

В целом исследователю, изучающему личность в контексте культуры, приходится балансировать между живянием и идентификацией в образ жизни и мыслей носителей рассматриваемой культуры, с одной стороны и отстраненным восприятием и сопоставительным анализом — с другой стороны. При этом собирателю приходится также учитывать, что своим присутствием и своими личностными и другими особенностями он выстраивает особое коммуникативное пространство во взаимодействии с информантом (или информантами). Раскроем этот момент ниже.

5. Проблемы, связанные с личностью информанта

Учет в исследовании особенностей информанта В исследованиях традиционной культуры личностные, коммуникативные, креативных и иные способности, особенности и возможности информанта стали учитываться совсем недавно. При этом в большинстве случа-

ев эти характеристики информанта учитывались с точки зрения их влияния на особенности записываемых фольклорных текстов. Например, описывая историю исследовательских экспедиций кафедры фольклора МГУ, В.П. Аникин пишет: «В задачу проводимых научных экспедиций входило изучение локальных и региональных особенностей фольклора — при этом особое значение придавалось изучению творчества отдельных наиболее одаренных лиц. В этом выразилась научная позиция, занятая участниками экспедиций в ходе дискуссий тех лет о значении отдельной творческой личности в процессе создания фольклорной традиции. Одновременно действовала инерция научного подхода к изучению фольклора, сложившаяся в 30 и 40-е годы — заметно выступала гипертрофия чисто авторской трактовки фольклорных вариантов и версий. В процессе осмысления собранного материала удалось преодолеть неверные акценты в собирательной работе и вывести соби́рание фольклора на путь пристального изучения массовых поэтических традиций в их тесной связи с бытовым укладом жизни и исторической спецификой его формирования» [53].

Особенности традиционного сознания

В исследованиях необходимо учитывать особенности традиционного сознания и своеобразии самосознания информантов, сложившегося в конкретном социокультурном пространстве региона. Восприятие времени и пространства зачастую у жителей деревень основано исключительно на личном опыте. Категории «близко — далеко», «давно — недавно» в сознании носителей традиционной культуры не имеют ничего общего с объективными пространственными и временными измерениями. Как отмечает С. В. Кучепатова: «Традиционное сознание в принципе антиисторично. Оно настроено на бесконечную повторяемость событий, на типизацию явлений. Типизация явлений может проявляться двояко. С одной стороны, традиционное сознание сохраняет сведения о порядке, а не об отдельных отклонениях порядка. Информатор, вспоминая об порядке, участником или свидетелем которого он был, часто сбивается с рассказа о том, что было, на рассказ о том, что должно было быть. (...) Другим проявлением типизации будет тот случай, когда для единичного, экстраординарного события находится аналогия в прошлом. Если такой аналогии в прошлом нет, то она

Коммуникативные способности
информанта

будет придумана, и мы можем получить самые причудливые (на взгляд собирателя) тексты» [54]. Подобных характерных особенностей сознания носителей традиционной культуры достаточно много. Это необходимо учитывать при восприятии информации от собеседника при работе в деревне.

Кроме того, личностные и коммуникативные особенности информанта сильно влияют на его отношение к собирателю, что в свою очередь оказывает влияние на сбор материала. Также следует учитывать, что множество тем не будут подниматься в присутствии других членов семьи информанта или жителей деревни, а в иных случаях наоборот, только присутствие сотоварищей может спровоцировать взаимное раскрытие информантов перед собирателем (особенно ярко это проявляется на «вечерках»).

Обращаясь с просьбой исполнить тот или иной текст, собиратель ставит информанта в сложное положение тем, что исполнение происходит не в естественных для него условиях (праздника и т.п.), из-за чего может быть искажены как содержание, так и форма исполнения. Как отмечает К.В. Чистов: «Только специально одаренным исполнительницам удается мысленно восстановить социальную, психологическую и эмоциональную ситуацию, вжиться в нее и либо приблизиться к когда-то звучавшему тексту, либо создать совершенно новый текст, который мог бы быть произнесен в естественных условиях» [55].

Отметим, что в основном проблемы связанные как с личностью собирателя, так и с личностью информанта относятся к общей проблеме коммуникации между ними.

6. Проблема коммуникации и предъявления информации

Изменение реальности присутствием
собирателя

Совершенно не обязательно то, что видит, узнает, какие получает ответы исследователь — это то, как происходит в реальности. Необходимо учитывать фактор присутствия самого исследователя, учитывать, что любая информация является предъявляемой специально для него или с учетом его присутствия. Пользуясь образным выражением Я.В. Чеснова: «Культура, перестроенная присутствием этнографа, по своей сути становится сценическим пространством» [56]. Уточняя эту

мысль, Я.В. Чеснов пишет: «В ситуации общения этнограф и информант оказываются персонажами по отношению друг к другу. Как персонажи они взаимнеобходимы и взаимодополняемы. Присутствие этнографа делает человека информантом — толкователем своей культуры. И наоборот, этому человеку этнограф обязан тем, что он выступает профессионалом своего дела. Профессиональное «Я» последнего сценично. Этнограф не знает «пьесы», в которой участвует, но он готов быть ее персонажем. Лишь в результате осуществления своей роли этнограф получает возможность составить текст — линейную характеристику замысла и средств культуры» [57].

Взаимосвязь исполнителя
и слушателя

Вообще, если говорить о ситуации исполнения фольклорного текста, она является в любом случае ситуацией коммуникации, где обязательными сторонами процесса должны выступать как исполнитель, так и слушатель. Данную проблему в этом ракурсе затрагивает К.В. Чистов: «Фольклорная коммуникация — это коммуникация прямая (от человека к человеку) и устная. Поэтому текст, который сказочник или певец исполняет, ориентирован на слушателя и предполагает использование кода, которым владеет слушатель, — естественный язык, система поэтических стереотипов, традиционные сюжеты, традиционные обрядовые нормы и т. п.

Ориентация на слушателя может выразиться в обратной связи, которая возникает между исполнителем и слушателем. Она заключается в том, что, используя вариационные возможности текста, исполнитель приспосабливает его к реакции слушателя (к составу слушателей, их фольклорным знаниям, к ситуации, в которой происходит исполнение, и т. п.). Возможность реального осуществления обратной связи в разных жанрах фольклора, разумеется, была различной» [58].

Вопрос о предъявлении
информации

Другой стороны проблемы коммуникации является вопрос о предъявлении информации. Существует большой перечень тем, которые для «чужого» или даже любого «другого», то есть непосвященного человека являются запретными либо полностью, либо частично. Запреты существуют по различным причинам. В основном это касается особенностей трансляции тех или иных знаний. Характерным примером является вопрос о сборе и фиксации заговоров — в народных представ-

---

лениях существуют поверья о потере силы заговора, если он полностью будет передан «непосвященному», поэтому в текстах заговоров часто могут отсутствовать ключевые слова или принципиальные действия, которые скрываются от собирателя. Другим примером могут быть региональные особенности в представлениях о возможности сообщить другому человеку определенные личностные, семейные, внутрисемейные или межпоколенные взаимоотношения, события, переживания и т.д. Также зачастую в традиционной культуре существует определенные нормативы, накладывающие ограничение на предъявление собственной позиции по любому вопросу, таким образом, информантом предъявляется только общепринятая, общественно одобряемая позиция, мнение и т.п. Особенности представлений, существующих в исследуемом регионе о том, что и как можно, а что нельзя предъявлять внутри круга своего пола и/или своего возраста, а что в присутствии представителей другого пола и/или возраста, могут сильно повлиять на содержание и характер беседы между собирателем и информантом. Следует отметить, что порой так или иначе полученные сведения о том, какие темы и вопросы являются запретными (полностью или частично) и для кого, как и в каких условиях они запретны, являются весьма показательными для изучаемой культуры.

Вопрос о понятийном взаимопонимании

Затронем еще вопрос о взаимопонимании понятийного пространства в коммуникации между собирателем и информантом. Если мы получаем основные данные в эмпирическом исследовании о социокультурных процессах на основании вербальных ответов субъектов, то встает вопрос о том, насколько эти характеристики группы, даваемые личностью, будут адекватны и валидны. И.Р. Сушков провел специальное исследование этой проблемы, на основании которого он отметил: «Результаты показывают, что человеческая культура накопила достаточно точную базу понятий, с помощью которых личность может удовлетворительно дифференцировать персональное и групповое поведение людей. Следовательно, вербальные реакции людей могут быть вполне адекватной эмпирической основой изучения отношений между социальными группами. В то же время, валидность оценок, даваемых личностью, зависит от ее жизненного опыта. И это необходимо учиты-

вать при интерпретации получаемых результатов» [59]. Таким образом, в отношении большинства ключевых понятий и категорий необходимо уточнение их понимания через синонимичность и развернутые определения.

Как в начале, так и в процессе коммуникации могут возникнуть ситуации некорректного употребления понятия, заданного вопроса или проделанного действия со стороны собирателя (причем собиратель заранее никак не может знать о возможном эффекте), на которые информант отреагирует либо уклонением от вопроса, либо вообще прекращением общения. Подобные моменты характерны обычно для конкретной социокультурной региональной общности и становятся явными для собирателя только после того, как он с ними столкнется на практике общения.

Влияние ситуации и обстановки на процесс коммуникации

В заключение отметим, что особенности ситуации и обстановки могут сильно влиять на весь процесс коммуникации. Бывают ситуации, уместные или даже провоцирующие для раскрытия тех или иных вопросов, а бывают и некорректные для вопросов на определенные темы, и это необходимо учитывать.

Учитывая вышеперечисленные проблемы, с которыми сталкивается исследователь, изучая личность в контексте культуры, мы определили следующие принципы организации и методы сбора, систематизации, обработки и интерпретации данных.

Организация работы по сбору первичного исследовательского материала в экспедициях

Отталкиваясь от анализа зарубежного и отечественного опыта построения исследования человека в контексте культурной традиции, определив теоретические основания и методологию построения программы исследования, уделив внимание проблемам, с которыми сталкивается исследователь в полевой работе, а также опираясь на эмпирический опыт работы, опишем специфику, принципы, алгоритмы и методы сбора полевого материала, его систематики и обработки. Вопросы же связанные с особенностями анализа и интерпретации первичного материала, как мы считаем, напрямую за-

Особенности исследовательских экспедиций с участием старшеклассников

висят от теоретической позиции и конкретных задач исследования.

Практический опыт автора по организации полевых исследований связан проведением исследовательских экспедиций лицеем №1553 (ранее «Донской гимназии») и Дома научно-технического творчества молодежи Московского городского дворца детского (юношеского) творчества с участием старшеклассников, студентов и преподавателей. Как мы уже отмечали, личность собирателя влияет на особенности сбора информации в процессе коммуникации, что делает необходимым отметить своеобразие и получаемые возможности, когда в сборе исследовательского материала участвуют школьники старших классов. Экспедиции, в которых принимают участие старшие подростки в роли собирателей, имеют определенные особенности, а зачастую и преимущества перед экспедициями, состоящими из взрослых профессиональных участников. Вслед за Н.В. Свешниковой [60], отметим эти особенности и преимущества, уточнив и расширив их перечень:

«Наивная» позиция собирателя

1. «Наивная» позиция собирателя, отсутствие профессиональных знаний о том «как должно быть», дает возможность более свободному и искреннему общению между собирателем и информантом. Исследователю в процессе сбора информации важно ставить себя в позицию «ничего не знающего», чтобы получить максимально полную информацию об особенностях жизни людей, не позволяя себе оставлять невыясненными вопросы, на которые, как ему кажется, исходя из опыта предыдущих экспедиций, он знает ответы. Подросток находится в реальном состоянии «незнания» о жизни людей, с которыми он общается, их культуре, что позволяет выстроить живой процесс коммуникации без наложения сформировавшихся «шор» предыдущей схожей информации.
2. Отношение деревенских жителей к интересу городской молодежи к своей жизни и народной культуре изначально более спокойное. На желание подростка вступить в общение деревенские жители откликаются быстрее, так как оно является более реалистичным и жизненным, чем профессиональный интерес. После успешного опыта общения, когда информанты понимают, что подростками движет не «праздничный интерес», а

Отношение деревенских жителей к интересу городских подростков

реальная заинтересованность в познании особенностей жизни и культуры деревни, особенно в отличие от города, деятельность подростков получает одобрение и уважение со стороны их собеседников. Зачастую сторонний интерес провоцирует желание у младших поколений узнать и осмыслить как можно больше о своей культуре, носителями которой являются старшие поколения, то есть провоцирует уселение трансляции традиционной культуры, через возобновление интереса у младшего поколения к знаниям старших, усиление межпоколенной преемственности.

Возможность работы с младшим поколением

3. В процессе работы у юных собирателей складываются свои отношения с молодежью деревни, что расширяет круг информантов, включая в исследование не только старшее и среднее поколения, но и младшее. В профессиональных экспедициях работа с младшим поколением зачастую выпадает из внимания исследователей или усложняется спецификой неготовности что-либо рассказать детей и подростков взрослым. В этом случае также удается получить интересные данные о взаимодействии традиционной и городской культур.

Полная фиксация материала

4. Записывается весь разговор, что дает материал для суждений о личности информанта, народном самосознании, особенностях процесса коммуникации и т.д. Подросток-собиратель не отсеивает материал, который опытному собирателю может показаться слишком хорошо известным. Варианты исполнения записываются полностью, а сведения, выпадающие за тематические или жанровые рамки, не утериваются. Специалист, исследуя подобный архив, может судить о процессах, происходящих в коллективной народной памяти, о том, что оказывается потеряно и что по-прежнему активно бытует среди среднего и младшего поколения опрошенных.

Условия работы исследователей с информантами

Исходя из вышеперечисленных проблем и особенностей процедуры психологического исследования в контексте традиционной культуры, мы определили следующие условия работы собирателя с информантами:

Работа собирателей в парах

1. Работа собирателей происходит в парах. Это обусловлено техническими моментами фиксации материала, получаемого от информанта — один собиратель ведет беседу, второй фиксирует разговор с помощью аудио, фото или видеofиксирующих устройств. При этом у собирателей в работе участвуют и такие классические

элементы для фиксации материала, как рабочая тетрадь и ручка. При современных средствах фиксации в виде диктофона, на котором происходит запись всего разговора, тетрадь является одновременно как организующим (работа с тетрадью информанту более видима, чем с диктофоном, информант лучше начинает осознать позицию и задачи собирателя), так и вспомогательным (в тетрадь заносятся ключевые понятия, опорные моменты разговора, которые необходимо позже уточнить, имена, топонимы и т.п.; в тетрадь выписываются вопросы к беседе, которые возникли после предыдущей встречи и др.) компонентом для работы. При составлении пар учитывается ряд возможностей собирателей в зависимости от характера и особенностей информанта: пара обычно составляется из человека, имеющего опыт полевой работы и новичка; хотя бы один собиратель из пары должен иметь развитые коммуникативные навыки. Ряд вопросов у информанта могут выяснить только собеседники того же пола, что и сам информант. В традиционной культуре во многом продолжают действовать запреты на определенные темы (особенно на некоторые брачно-семейные, гендерные, а также и по ряду видов деятельности, характерных только для того или иного пола и т.п.), которые не раскрываются, если информант и собиратели разных полов.

Знакомство и установление отношений

2. Во время знакомства с информантом определяется, с какой целью исследователь пришел к нему. При этом важно не употреблять ряда понятий, которые понимаются информантами в контексте сложившихся стереотипов и могут вызвать недоверие или задать узкие рамки общения. В частности, при употреблении понятия «фольклор» жители деревень в большинстве случаев отправляют к какому-то одному человеку, который по их мнению больше и лучше знает песен, а сами отговариваются: «Я ничего не знаю»; «Я ничего не помню», «Вон, она меня старше, она и знает больше» и т.д. Также у сельских жителей благодаря средствам массовой информации произошло разделение фольклора на «правильный» (как по радио или телевидению передают) и «как у нас поют». В этом случае важно определить, что собирателю интересно все, а особенно то, как в данной деревне происходили и происходят те или иные события, праздники, поются и пелись песни

и т.д., интересно именно то, что помнит и знает информант, его жизнь, его мнения, суждения и отношения. Наиболее успешным является предъявление целей в форме интереса к истории деревни, края, интереса к тому «как жили раньше и как сейчас живут». Именно поэтому при первых встречах социально-политические и социально-экономические темы бесед выходят на первый план. Информанту дается возможность выговориться о наболевшем, о том, что его в настоящий момент более всего волнует. В процессе первого разговора собиратель разговаривает с информантом на актуальные для него темы, занимая роль эмпатийного слушателя. Задача первой встречи — установление коммуникации между собирателем и информантом, на основе которой в дальнейшем собиратель будет вести беседу уже на интересующие его темы. Также необходимо в первых встречах сформировать доверительные отношения, в плане заверения информанта в том, что собиратель имеет намерение исключительно общаться с ним, фотографировать или проводить видеосъемку и ничего у него не будет забирать (имеются в виду иконы, старинная утварь и т.д.). Этот момент стал важен после того, как на протяжении 1970—1980-х годов в деревнях региона побывало много людей, ворующих, собирающих или скупающих за бесценок этнографические и культовые предметы, в результате чего у жителей деревень сформировалось недоверчивое отношение к приезжим.

Включение в жизнедеятельность семьи

3. Перед собирателем стоит задача «осесть» в конкретной семье для продолжительного общения, идентифицироваться с ней, войти в «мы» этой социальной общности. Этому способствует совместная деятельность (помощь собирателей в хозяйственной деятельности информанта). В этом случае крылатая фраза кота Матроскина из мультфильма «Зима в Простоквашино»: «Совместный труд для моей пользы — он объединяет», является своеобразным лозунгом собирателя. Показателем успешности реализации этой задачи является употребление местоимений в разговоре между собирателями («моя бабушка», «в моей семье» и т.д.), а также когда тот или иной информант, говоря о человеке,ходящем к нему, употребляет местоимения «мой», «моя», «мои» или «наш», «наши». В целом в этом ракурсе выработанием того, насколько успешно прошла экспеди-

---

ция, является то, сколько семей пришло провожать «своих детей» и с кем завяжется постоянная переписка. По опыту автора, для информанта глубокое содержательное общение с собирателем запоминается практически на всю жизнь, и судьба собирателя для информанта становится не безразличной, как и обратно. Встреча с информантом через несколько лет после общения происходит как встреча давно не видавшихся друг с другом родственников. Данная идея была экспериментально подтверждена при организации программы экспедиции в июне—июле 2000 года, когда специальной частью этой программы стало посещение участниками предыдущих экспедиций своих информантов в деревнях Кенозерья. В частности, при встрече с П.И. Сивцевой (1915 г.р., д. Першлахта Плесецкого р-на Архангельской обл.) летом 2000 года, с которой автор со своей коллегой Г.Ю. Болховитиновой работали летом 1996 года, первыми словами, услышанными от нее, были: «И где же это вы мои все это время пропадали, свою бабушку совсем забыли». Аналогичные моменты регулярно фиксируются в различных деревнях другими участниками экспедиций.

Движение от проработки общих тем к углублению в специфические

Основным алгоритмом сбора исследовательского материала является переход от «фронтальной» проработки общих, или так называемых «обязательных», тем к углублению в специфические темы, органичные для конкретного информанта или характерные для региона. При этом жесткой последовательности тем не может быть, поскольку каждая ситуация общения собирателя с информантом уникальна и она выстраивается в конечном счете исходя из обстоятельств. Органичные для информанта темы выясняются в процессе общения с ним, а характерные для конкретного региона и (или) деревни становятся ясными по ходу работы в экспедиции. Однако во всех темах делается акцент на представлениях и отношениях информантов к тем или иным проблемам и явлениям; на ракурсе в прошлое (как и что было?), настоящее (как и что есть?), будущее (как и что будет?); на соотношении объективных изменений среды обитания человека и субъективных отношении человека к миру, другим и себе. Также в ходе сбора материала необходимо разделять личное мнение информанта с представлениями о том, «как принято» и «как должно быть».

Последовательность общих тем

Последовательность общих («обязательных») тем в построении общения с информантами не совпадает с той методологической схемой, описанной выше, но совпадает с общим перечнем тематик. Исходя из опыта организаций исследовательских экспедиций в деревнях Русского Севера нами была выбрана следующая генеральная последовательность проработки тем в построении общения собирателя с информантом: история деревни и топонимия (история дома и утварь (история семьи, ономастика, семейные взаимоотношения, семейная обрядность (социальное пространство деревни и региона (праздники, календарная обрядность (народная религия и демонология (хозяйственная деятельность (отношения с природным миром. Вопросы, касающиеся психологического пространства и времени, особенностей самосознания и системы отношений личности к средам, проходят через все общение собирателя с информантом. Кроме того, надо отметить, что фольклорные тексты практически всегда записываются без особых целенаправленных усилий по их сбору, в органичной связи с теми темами, которые они в себе отражают.

Работа с тремя поколениями

Особо важным моментом для исследования является тот, что работа исследователя (при наличии возможности) проходит с представителями всех поколений в семье. Основопологающей задачей в исследовании является проследить особенности трансляции, преемственности и трансформации традиций от поколения к поколению. В этом отношении особенно важным становятся также межпоколенные взаимоотношения, что в них сохраняется, а что изменяется со временем.

Фиксация вопросов о реалиях бытия личности

Фиксация вопросов, касающихся не только личности человека существующего в контексте традиционной культуры и особенностей региона, но и фиксация особенностей всех сред его существования (по классификации, предложенной В.С. Мухиной: природной, предметной, социальной и ценностно-знаковой) необходима для понимания сохранения и изменения условий бытия человека, для понимания, насколько стабильным является существование человека в контексте региональной культуры.

В нашем исследовании любая этнографическая информация важна не столько как информация сама по себе. В большей мере нас интересует то, как она отражает

представления человека, являющегося носителем изучаемой культуры, *о мире, о других, о себе в мире*, а также как через нее *отражается традиционное сознание и особенности самосознания* — именно это и является предметом психологического исследования.

Методы сбора, фиксации и обработки первичного исследовательского материала

Комплексное использование
методов наук о человеке

В данной исследовательской программе личность является объединяющим центром всего комплекса методов различных гуманитарных наук, фиксирующих особенности как самой личности, так и условия среды ее формирования и бытия. Б.Г. Ананьев ввел понимание целесообразности применения широкого репертуара методов различных наук в психологическом исследовании: «Новым для методологического развития психологии является применение в ней неэкспериментальных методов различных социальных наук, значительно расширяющих возможности психологического изучения личности» [61].

Нами используется комплекс взаимодополняющих методов исследования, хорошо известных в науках, изучающих человека и среду его бытия. Особенность программы исследования не в специфике используемых методов, а в их комбинации и целенаправленности. При сборе первичного материала фиксируется разнообразный материал с использованием различных методов его сбора. При этом происходит спонтанный набор разноплановой информации, который на втором этапе работы должен подвергаться определенной систематике, а уже на третьем — анализу и интерпретации. Идея такого подхода к исследованию личности в контексте культуры не нова. Например, в своих этнопсихологических исследованиях В.С. Лурье отмечает позицию, что «методика исследования этнического сознания должна отталкиваться от конкретных, поставленных самой жизнью вопросов и исходить из структуры самой жизненной ситуации» [62].

Таким образом, исследуя особенности личности как целостной структуры в контексте культурной традиции, нам необходимо изучать изменение и культурной традиции и личности, которая формируется внутри тра-

диции, становясь ее носителем, транслируя и трансформируя при передаче следующему поколению. Методы, используемые в программе, хорошо известны как в психологических и социальных, так и в этнографических, фольклорных и культурологических исследованиях: тематическая беседа, запись фольклорных текстов, включенное наблюдение, фиксация этнографического материала, работа с архивами. Отметим своеобразие в использовании перечисленных методов в нашем исследовании.

Тематическая беседа как основной метод

Основным методом для сбора и фиксации материала в нашем исследовании стала тематическая беседа (также в ряде исследований называемых «глубинное интервью», «эмпатическая беседа» и т.п.). Сразу отметим, что данный метод исследования неразрывно связан с включенным наблюдением (подробнее об этом ниже). Пользуясь определением В.А. Ядова, отметим, что «Опросы — незаменимый прием получения информации о субъективном мире людей, их склонностях, мотивах деятельности, мнениях» [63]. В социальных науках опросы традиционно делятся на беседу, интервью и различные формы анкетирования [64]. Беседу от интервью отличает степень формализованности и особенность позиций собеседников. Как описывает В.А. Ядов: «Идеальное интервью напоминает оживленную и непринужденную беседу двух равно заинтересованных в ней людей. Однако один из участников — интервьюер [мы в данном случае пользуемся термином «собиратель»] — помнит, что в данной ситуации он выступает как профессиональный исследователь, имитирующий роль равноправного собеседника» [65]. Если пользоваться классификацией опроса в форме интервью, как способа исследования, описанной В.А. Ядовым: формализованное, полужформализованное и неформализованное [66], то в нашем исследовании мы используем неформализованное интервью, которое в данном случае корректнее будет называть «тематическая беседа». Собиратель изначально имеет лишь список основных тем и их приблизительный порядок, которые он в ходе беседы с информантом раскрывает и уточняет в зависимости от компетентности информанта и общего хода беседы.

Беседа как отражение субъективно-мировоззрения

Беседа всегда отражает именно субъективное видение происходящих явлений и процессов в окружающем че-

---

ловека мире, а также себя в этом мире. Как отмечает В.С. Мерлин: «Специфическая роль беседы, как метод исследования личности, вытекает из того, что в ней испытуемый отдает словесный отчет о свойствах и проявлениях своей личности. Поэтому в беседе с наибольшей полнотой обнаруживается субъективная сторона личности — самосознание и самооценка свойств личности, переживания и эмоциональное отношение, выраженные в них, и т.п.» [67].

Ведение тематической беседы как метода исследования личности в контексте культурной традиции во многом аналогично особенностям ведения беседы психолога и испытуемого в характерологической беседе, описываемой В.С. Мерлиным: «В беседе мы судим о свойствах личности не по тому, как испытуемый их называет, а по тому, как он относится к различным событиям в своей жизни, к своим действиям и поступкам, по тому, как он их обсуждает и анализирует. (...) Вопросы, задаваемые в беседе, должны быть такого рода, чтобы они не допускали краткого ответа — утверждения или отрицания. Вопросы-беседы должны стимулировать связный рассказ о событиях, действиях и поступках и их обсуждение» [68].

Особенности построения беседы

Отметим особенности построения беседы. Тематическая беседа выстраивается по опорным вопросам, основанным на выделенных выше основных направлениях исследования личности в контексте традиционной культуры, и ведется исходя из живой логики построения общения в естественных (полевых) условиях. Для раскрытия и конкретизации каждого из заданных направлений исследования нами считается возможным использование многочисленных существующих в фольклористике, этнографии и этнопсихологии программ и опросников [69], корректируемые и дополняемые в ходе полевой работы в зависимости от цели, задач, направлений, ракурсов и принципов рассматриваемых вопросов, определенных в исследовании, а также региональных особенностей. Последовательность тем в построении беседы определяется не методологической схемой разделения направлений исследования, а естественным ходом общения в конкретных условиях с конкретным информантом. Наиболее распространенный алгоритм последовательности тем, применяемый в нашем исследовании, описан нами выше.

Способы фиксации материалов
беседы

Записанные на аудио- (или видео-) пленку беседы расширяются и заносятся текстуально в экспедиционные тетради по следующей схеме:

Экспедиция (сроки) _____ . Деревня: _____ .		
Информант: Ф.И.О., год рождения, место рождения (если замужняя женщина, то девичья фамилия).		
Записали: ФИО собирателей. № кассеты _____		
№ текста	Текст расшифрованной беседы с отдельно выделенными комментариями из наблюдений	Тематическое разделение беседы

В дальнейшем материалы экспедиционных тетрадей переводятся в электронную форму в виде таблицы, что позволяет весь массив данных распределять по темам, сохраняя возможность проследить последовательность естественного хода беседы. Кроме того, сами аудио- и видеокассеты архивируются, получая порядковый номер, что позволяет, при необходимости, найти и прослушать живую запись. Нумерация текста имеет тройственное значение: первая цифра дается по номеру тетради (это позволяет определить сроки и место проведения экспедиционного исследования); вторая цифра определяет информанта в данной деревне; третья цифра обозначает отдельную тему внутри беседы.

Запись фольклорных текстов
и особенностей их бытования

Отдельно остановимся на записи фольклорных текстов. Как уже отмечалось, в программе исследования фиксация фольклорных текстов не является самоцелью, а происходит самопроизвольно в ходе сбора материала. Сами же тексты могут служить для анализа отражения народного сознания в знаково-символической среде. Однако, кроме собственно фиксации текста, необходимо выяснить следующие моменты:

- От кого и в какой ситуации информант узнал данное произведение?
- Когда, кем и в каких случаях оно исполнялось?
- Кем, когда и в каких случаях оно исполняется сейчас?

В этих вопросах выясняется: типичность репертуара в исследуемом регионе; связь с годовыми календарными и семейными циклами; связь репертуара с возрастными группами; символические связи с конкретными обрядами и действиями; связь с событиями в жизни стра-

---

ны, деревни или конкретного человека; особенности социального круга исполнения; особенности исполнения (движения, мимика) и многое другое. Также бывает интересно узнать от информанта его отношение и трактовку сюжета, героев и событий записываемого текста, оценку исполнителем традиционной и современной манеры исполнения текстов.

Включенное наблюдение как
дополняющий метод

Включенное наблюдение является принципиальным методом для включения собирателя в ситуацию и просмотра соотношений сред, реалий бытия личности. Организационно данный метод является подкрепляющим сведения получаемые из бесед, но в построении всего исследования он является ключевым, так как благодаря ему может выстраиваться более-менее целостная картина жизни людей в условиях традиционной преемственности. Более того, как уже говорилось, в задачу исследователя входит не только включенное наблюдение, но и вхождение, по возможности, в образ жизни, а впоследствии, в образ мысли изучаемой социокультурной общности.

Наблюдающее участие

Как отмечает С. В. Лурье: «С начала 1970-х гг. в этнологических методах произошли серьезные изменения: включенное наблюдение стало замещаться наблюдающим участием, что подразумевало гораздо более значительное включение исследователя в исследуемую этническую систему» [70]. В нашем исследовании мы ориентировались на метод «наблюдающего участия» в полевых условиях, разработанный А.Н. Алексеевым [71]. Данное наблюдение напоминает натуральный эксперимент, в котором исследователь вводит экспериментальные факторы изнутри самой ситуации и нередко импровизирует в зависимости от развития событий. При этом учитывается, что исследователь своим присутствием в ситуации может как исказить естественные условия, так и провоцировать определенные действия и ситуации, которые уже в настоящее время не происходят, но сохраняются на памяти информантов. Примерами таких ситуаций являются вечерки, праздники, на которые собирается вся деревня и т.д., организуемые благодаря провокационной позиции исследователя, ведомого исследовательскими целями, инициирующего данные действия, в результате чего, в конечном счете, создается естественная ситуация для жителей деревни.

Переход от позиции стороннего наблюдателя к соучастию

В задачу исследователя входит включение в деятельность изучаемой общности, взаимодействие с ней. Такой подход в исследованиях сейчас развивается в этнографии, социальной этнологии и этнопсихологии. П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова так пишут об этом: «Важнейшее испытание, через которое «этнография» проходит сегодня ради своего развития, — это переход от описания мира к взаимодействию с ним. При этом исследователи становятся частью того мира, который они изучают, изменяют и конструируют» [72]. То есть исследователь становится не сторонним наблюдателем, а включенным в деятельность изучаемой социокультурной общности, насколько это ему позволяет ситуация.

Естественно, как отмечает В.А. Ядов, «при соучаствующем наблюдении единственный способ снять помехи от вмешательства исследователя — полное вхождение в изучаемую среду, завоевание доверия и симпатии» [73]. К этому, как мы уже говорили выше, необходимо добавить еще и эмпатию.

Ограничения использования наблюдающего участия как метода этнологического исследования

Использовать наблюдающее участие как метод полевого этнологического исследования в полной мере нами не представляется возможным, поскольку он предполагает включенное проживание в исследуемой общности в течение хотя бы одного целого этнологического года (календарный год плюс два месяца). Однако ряд элементов участвующего (еще называемого внутренним) наблюдения в нашем исследовании присутствуют, как в своих возможностях, так и в своих ограничениях. Как отмечает Я.В. Чеснов: «...внутреннее наблюдение невозможно без позволения вести работу со стороны членов изучаемого общества. А это уже предполагает принятие последним определенного способа мышления и образа жизни этнографа».

В рамках внутреннего наблюдения мышление этнографа ограничено. Для изучения целостности социальной жизни он мобилизует свое не понятийное, а такое мышление, в котором фигурируют «как бы понятия», т.е. концепты (константы) самой культуры. Но чтобы дать живой портрет носителей конкретной культуры, этого еще недостаточно. Этнограф должен обратиться к мотивациям поступков — следствию умозаключений, способов решения противоречий, отказов от чего-то и предпочтений» [74].

Особую роль наблюдения в получении сведений о внутреннем мире человека описывал С. Л. Рубинштейн: «Наблюдая внешнее протекание действий человека, мы изучаем не внешнее поведение само по себе, как если бы оно было дано в отрыве от внутреннего психического содержания деятельности, а именно это внутреннее психическое содержание, которое должно раскрыть наблюдение» [75]. Основным преимуществом метода включенного наблюдения является возможность получения более-менее (с учетом «сценического эффекта» из-за присутствия наблюдателя) целостной картины жизни и деятельности людей в социокультурном контексте, в определенных условиях своего бытия, дополняя субъективные сведения получаемые в ходе беседы. В этом отношении С. Л. Рубинштейн писал, что «лишь учитывая деятельность индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт, и соотнося ее с теми конкретными условиями, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть то внутреннее психологическое содержание действий и поступков, которое может быть высказано и может быть утаено в высказываниях человека, но обнаруживается в его действиях» [76].

Возможности и ограничения использования метода включенного наблюдения

Важно отметить возрастающие возможности наблюдения в психологическом исследовании с расширением технических средств фиксации и обработки данных, развитием визуальной антропологии как метода исследования.

Итак, преимущества включенного наблюдения заключаются в том, что они дают наиболее яркие, непосредственные впечатления о среде, помогают лучше понять людей, их поступки, культурную среду, в которой происходит исследование. Однако отметим определенные недостатки, заключающиеся в том, что при глубоком включении в исследуемую среду исследователь может потерять способность объективно оценивать ситуацию, внутренне переходя на позицию тех, кого он изучает, входя в роль соучастника. При этом в условиях, что экспедиция имеет ограниченный срок времени проведения, исследователю все-таки не предоставляется возможность полностью влиться в изучаемую среду и он своим присутствием создает определенное, как мы уже отмечали, «сценическое пространство». Данные моменты в определенной степени нивелиру-

ются благодаря тому, что включенное наблюдение как метод исследования личности в контексте традиционной культуры используется нами в комбинации с другими методами исследования. Кроме того, ситуация упрощается тем, что программа направлена на изучение человека в условиях моноэтнической среде того же суперэтноса, к которому относятся сами исследователи, хотя в этом же ракурсе находится и затруднение, так как исследователи выросли в условиях иных традиций и иного образа жизни.

Фиксация этнографического материала

Материальная культура фиксируется и исследуется с одной стороны как условия бытия человека. Предметная среда бытия человека в традиционной культуре является и условием развития и бытия человека, и отражением представлений человека о мире, о том, как с ним взаимодействовать. В этом отношении нас интересуют особенности и своеобразие существования и использования тех или иных предметов, особенности их вида и причины этого, насколько они изменяются сами или меняется их применение и т.д. С другой стороны, определенные предметы материальной культуры изучаются нами как проявление личности человека во внешнем пространстве (в продуктах деятельности).

При этом важно разделять, насколько рукотворный продукт деятельности является личностным выражением, а насколько элементом трансляции культурной традиции. Это возможно сделать при сопоставлении с другими выражениями предметной среды в исследуемом регионе.

Фиксация этнографического материала производится с помощью различных технических средств (фото и видео), а также через зарисовки и создание планов. Существенной является информация, получаемая при опросе жителей деревень об особенностях создания, бытования и функциональности предметной среды. Особое внимание следует уделять отношению и особенностям использования значимых предметов (семейных реликвий, культовых предметов, оберегов, особо выделяемой утвари, фотографий и т.д.), а также при наличии продуктов творческой деятельности (девичьи альбомы, рисунки, произведения народных мастеров и т.д.).

Работа с архивами

Еще одним источником получения информации выступает работа с архивными материалами, которая делилась на следующие части:

---

* анализ похозяйственных книг, что дает возможность проследить демографическую и экономико-хозяйственную ситуацию, а также формально-семейные отношения;

* анализ материалов предыдущих экспедиций, дающий возможность проследить изменения, происходящие в культуре и условиях жизни, в регионе (однако здесь мы сталкиваемся с проблемой сопоставимости материалов);

* анализ материалов государственных архивов, дающий в ряде случаев необходимую официальную информацию о событиях в истории региона и деревень.

Таким образом, в построении программы исследований применен комплекс взаимодополняющих методов для сбора и фиксации первичной информации, позволяющий получить широкий спектр разнохарактерного материала, анализ которого выявляет особенности личности в условиях традиционной культуры деревень изучаемого региона.

Методы обработки и анализа первичного исследовательского материала

Качественный анализ как основной метод обработки материала

Качественный подход в обработке и анализе данных предусматривается как основной. Он представляет многосторонний анализ собранного в экспедициях этнографического, фольклорного, этнопсихологического материала в рамках тематического разбора вопросов в соотношении частных тем с целым контекстом. Обосновывая познавательные свойства качественного метода, В.В. Семенова отмечает: «Общий фокус качественного исследования концентрирует внимание на частном, особенном в описании целостной картины социальных практик» [77]. В этом отношении мы воспринимаем опыт людей, чья личность была сформирована в контексте традиционной культуры и стала ее носителем, как определенный «голографический фрагмент» общего социального опыта изучаемой социокультурной общности региона. При качественном анализе производится обобщение данных, полученных в исследовательских экспедициях в данном регионе, сопоставляемых с данными экспедиций проведенных в других регионах и с архивными и литературными данными экспедиций, проводимых в предыдущие исторические пе-

риоды в изучаемом регионе. В ходе анализа делался акцент на просмотре связи развития и бытия личности, особенности наполнения структурных звеньев самосознания, система отношений в зависимости от социокультурного контекста традиционной культуры и всех сред бытия (природной, предметной, социальной, ценностно-символической), а также на особенностях взаимосвязей этих сред. Особое внимание уделяется изменениям в преемственности и трансляции традиционной культуры и в связи с этим изменениям личности.

Качественно-количественные методы анализа как подкрепляющие

Качественно-количественному анализу (контент-анализу, частотный словарь) подвергаются фольклорные тексты и письменные материалы, собранные в экспедициях. Полученный материал подвергается первичной обработке в соответствии с определенными в программе исследования тематическими направлениями. Полученный материал классифицируется по единицам обсчета, в качестве которых выступают целостные смысловые фрагменты записанных текстов или зафиксированной ситуации, предмет и т.д., соотнесенные с тематическими направлениями исследования. Кроме того, просматривается частота тех или иных сюжетов для выделения наиболее встречаемых, которые, таким образом, можно определить как наиболее актуальные и значимые в исследуемой социокультурной и/или возрастной среде. Частота и развернутость различных тем показывает степень сохранности, полноты и своеобразия бытования тех или иных обрядов, действий, представлений и т.п.

Привлечение количественных методов анализа

Количественные методы выступают как дополнительные и в основном применяются в форме статистической обработки материалов похозяйственных книг (социально-демографические и экономико-хозяйственным данные по семьям и деревням региона).

---

1. *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения в 6 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1956. С. 20.

2. *Боас Ф.* Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 499–508. С. 505.

3. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб, 1997. С. 3.
4. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 13.
5. *Мухина В.С.* Возрастная психология. М., 1998. С. 28.
6. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. М., 1995.
7. *Потебня А.А.* Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
8. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
9. *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 145.
10. *Мухина В.С.* Дивный новый мир: не антиутопия, реальность // Развитие личности. 1998, №2. С. 15–26. С. 15.
11. *Мухина В.С.* Дивный новый мир: не антиутопия, реальность // Развитие личности. 1998, №1. С. 12–22. С. 14.
12. *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1999. С. 38.
13. См.: *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1997.
14. *Цивьян Т.В.* Архетипический образ дома в народном сознании // Живая старина. 2000, №2. С. 2–4.
15. *Мухина В.С.* Дивный новый мир: не антиутопия, реальность // Развитие личности. 1998, №1. С. 12–22. С. 17.
16. *Мухина В.С.* Дивный новый мир: не антиутопия, реальность // Развитие личности. 1998, №2. С. 15–26. С. 19.
17. *Мухина В.С.* Современное самосознание народностей Севера // Психологич. журн. 1988. Т. 9. №4. С. 44–52. С. 45.
18. *Мудрик А.В.* Введение в социальную педагогику. М., 1997. С. 97–98.
19. *Витовт М.В.* Этнография Русского Севера. М., 1997.
20. См.: *Байбакова М.* Особенности взаимоотношений жителей сельской местности в зависимости от типа поселения // VII Юношеские чтения им. В.И. Вернадского: Сб. исследовательских работ в области гуманитарных наук. М., 2000. С. 534–544.
21. *Мухина В.С.* Возрастная психология. М., 1998. С. 18.

22. *Cassirer E.* Philosophic des symbolischen Forman. Darmstadt, 1923.
23. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998. С. 32.
24. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М., 1999. С. 224.
25. *Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры. М.; Воронеж, 1996. С. 469.
26. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М., 1999. С. 128.
27. Там же. С. 174.
28. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 21.
29. *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора. М., 1998. С. 71.
30. *Мухина В.С.* Возрастная психология. М., 1998. С. 20–27.
31. Там же. С. 21.
32. См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смеховой мир Древней Руси. Л., 1984.
33. *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избр. ст. в 3 т. Т. I: Ст. по семиотике и типологии культуры. С. 191–199. С. 192.
34. *Бельый А.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 257.
35. *Кон И.С.* Социологическая психология. М.; Воронеж, 1999. С. 422.
36. *Аникин В.П.* Фольклорные экспедиции Московского университета в послевоенные годы // Материалы международной конференции «Фольклор и современность», посвященной памяти профессора Н.И. Савушкиной. М., 1995. С. 3–6. С. 5.
37. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность // Пропп В.Я. Собр. трудов: Поэтика фольклора. М., 1998. С. 69–92. С. 70.
38. Там же. С. 72.
39. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 9.
40. *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 24.
41. *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 429–430.

42. *Hall E.* The silent language. Greenwich, 1970. P. 31.
43. *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 430.
44. *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. New York, 1922. P. 23.
45. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Этнографическое воображение в социологическом исследовании // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 18–27. С. 23.
46. *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 429.
47. *Роджерс К.* К науке о личности // История зарубежной психологии. М., 1986. С. 209.
48. *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 431–432.
49. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1999. С. 281–282.
50. *Kracke W.H.* Reflections on the Savage Self: Introspection, Empathy and Anthropology // *Suerez-Orozco M.M.* (ed.). The Making of Psychological Anthropology II. Harcourt Brace College Publisher, 1994.
51. *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 431.
52. *Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р.* Этнографическое воображение в социологическом исследовании // Этнографическое обозрение. 2000. №2. С. 18–27. С. 25.
53. *Аникин В.П.* Фольклорные экспедиции Московского университета в послевоенные годы // Материалы международной конференции «Фольклор и современность», посвященной памяти профессора Н.И. Савушкиной. М., 1995. С. 3–6. С. 5.
54. *Кучепатова С. В.* О некоторых закономерностях современного традиционного сознания // Судьбы традиционной культуры. СПб., 1998. С. 141–146. С. 145.
55. *Чистов К.В.* Исполнитель фольклора и его текст // От мифа к литературе: Сб. в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 91–100. С. 93.
56. *Чеснов Я.В.* Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 3–15. С. 9.
57. Там же. С. 10–11.
58. *Чистов К.В.* Исполнитель фольклора и его текст // От мифа к литературе: Сб. в честь семидесятилетия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 91–100. С. 91.

59. *Сушков И.Р.* Психология взаимоотношений. М.; Екатеринбург, 1999. С. 149–150.

60. *Свешникова Н.В.* СобираТЕЛЬСкая работа старшеклассников Донской гимназии // Материалы международной конференции «Фольклор и современность», посвященной памяти профессора Н.И. Савушкиной. М., 1995. С. 123–125. С. 124.

61. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания: Избр. психологические труды. М.; Воронеж, 1996. С. 285.

62. *Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 439.

63. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1999. С. 228.

64. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1997. С. 61.

65. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1999. С. 280.

66. Там же. С. 280–281.

67. *Мерлин В.С.* Психология индивидуальности: Избр. психологические труды. М.; Воронеж, 1996. С. 263.

68. Там же. С. 264.

69. Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора / Под ред. Т.Б. Диановой. М., 1999; Традиционная народная культура русских: Сб. программ и вопросников для этнографических исследований / Отв. ред.-сост., авт. предисл. Б.В. Горбунов. Рязань, 1997; Основы полевой фольклористики: Сб. научно-методических материалов / Отв. ред. М.Г. Матлин. Ульяновск, 1997; Специальные программы и вопросники / Отв. ред. М.Г. Матлин. Ульяновск, 1998; Энциклопедическое описание сельских поселений России (методические рекомендации). М., 1990. С. 22–31; *Кушниц А.М.* Особенности ценностных ориентаций и самосознание личности детей народностей Севера (на материале изучения школьников саами): Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1986. С. 176–181; *Лувсандандар У.* Особенности ценностных ориентаций у детей дошкольного возраста внутри традиций разных культур: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. психол. наук. М., 1978. С. 54–55; Фольклорная практика: Программа / Отв. ред. Ю.Г. Круглов, В.П. Кругляшова, Н.И. Савушкина, Н.И. Толстая. М., 1983; *Моро-*

хин В.Н. Методика собирания фольклора. М., 1990; Савушкина Н.И. О собирании фольклора. М., 1974; Чистов К.В. Современное народное творчество, его собирание и изучение. М., 1963; Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М., 1966; Программа для комплексных фольклорных экспедиций / Сост. К.А. Вертков, В.Е. Гусев, И.И. Земцовский, Л.В. Ощурко, К.Б. Чистов / Отв. ред. В.Е. Гусев. М., 1971; Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983; Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов / Отв. ред. В.Я. Пропп. Вильнюс, 1964.

70. Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 430.

71. Алексеев А.Н. Наблюдающее участие и моделирующие ситуации. (Познание через действие). СПб., 1997.

72. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Этнографическое воображение в социологическом исследовании // Этнографическое обозрение. 2000. №2. С. 18–27. С. 24–25.

73. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1999. С. 202.

74. Чеснов Я.В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. № 6. С. 3–15. С. 3.

75. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1998. С. 46.

76. Там же. С. 40.

77. Семенова В.В. Качественные методы в социологии // Ядов В.А., в сотрудничестве с Семеновой В.В. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 1999. С. 390.

